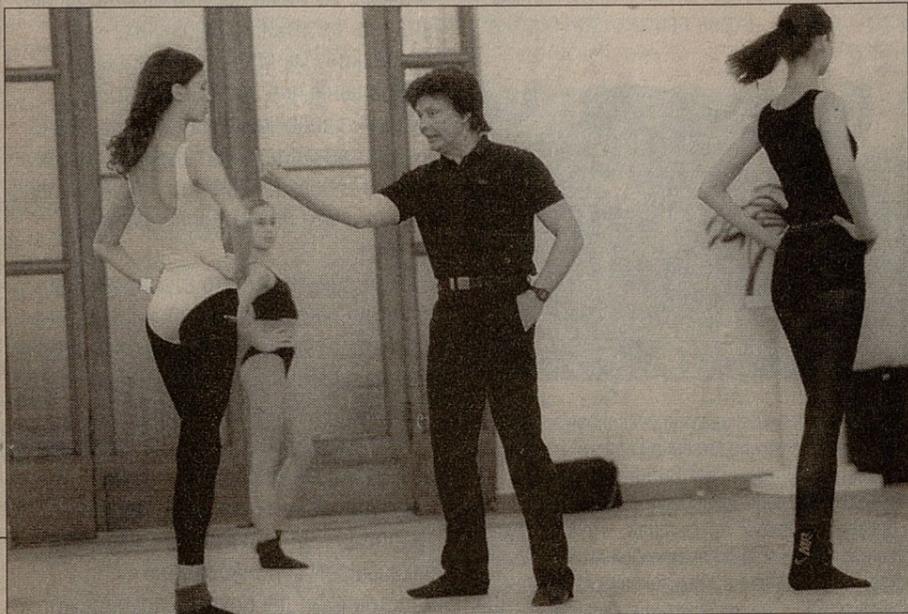

Россия. 2003. 23 июля. - с. 8-9

Вульгарный — это

Телевидение и мнение старушек у подъезда вполне обрисовывают спектр общественного

«Губы успокой!»

«Пойдут — преобразятся»

Балерина не может стать моделью

«В теле манекенщицы не должно быть и намека на мышцы», — говорит Анатолий Кулаков, президент Русской академии модели.

В модном деле он уже пятнадцать лет, с тех пор... как вышел на пенсию. Однако после работы — и целой жизни — в балете (сначала в составе молодого балета Моисеева, затем в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко) невозможно стать просто пенсионером, тем более с таким темпераментом. Команды девушкам звучат, как из пулемета: «Нога — перышко! Брось, согни, открой, поставь! Губы успокой — улыбнись!»

В одиннадцать лет он уже был мастером спорта по фигурному катанию. А с 12 учился в классе Мариса Лиепы, с которым впоследствии их связала дружба. Профессиональную балетную подготовку-разогрев Кулаков переработал и дает таким образом, чтобы девушки, усваивая классическую грацию, не приобретали бы тренированного вида. «Ни одна балерина не может быть профессиональной моделью», — говорит Анатолий Сергеевич.

Но, наверное, и ни одна модель не будет так двигаться без балетной подготовки. В этом суть его метода, который американцы после проекта Pease-child оценили в \$100 000. А именно в 1989 году Кулакова признали почетным гражданином штата Северная Дакота, и филиал Fendi предложил работу — преподавать движение инструкторам. Успевший за свою жизнь на сцене увидеть полмира и все-таки 17 лет бывший невыездным из Союза, Анатолий Сергеевич поблагодарил Северную Дакоту и отправился обратно, в Россию.

Прогиб — в угол

Семнадцать невыездных лет Кулаков, помимо основной работы в театре, устраи-

вал праздничные вечера и сам участвовал в них в Театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. С таким прошлым он подошел в 1987 году к постановке первого в России конкурса красоты, к которому заодно собрал большую часть жюри.

«Когда меня просят сделать постановку модного показа, я в первую очередь смотрю коллекцию. Затем выбираю музыку. А уже после этого придумываю пластику модели». То, что его девушки на подиуме способны выразить любое настроение, а не только продемонстрировать одежду, видно даже не по количеству наград и мест работы его выпускниц, а на его уроке. «Каждое движе-

ние одухотворено, это вам не гимнастика!»

Профессиональные привычки — попрекнуть гимнастикой — и профессиональные требования подтягивают. На разминке в его классе не нужна музыка, после четырех тактов счета так же ритмично звучат замечания и порядок следующего упражнения: «Прогиб — в угол, раз! Полный круг — руку раскрой! Точи ногу! Не морщись. Больно? — Улыбайся!» Давая на каждое движение всего несколько тактов, Кулаков дышит легко и взбадривает учениц своим вдохновением. Девушки же запылились, словно бегут марафон. «Ничего, пойдут — преобразятся». Он, конечно, не-

доволен, все-таки подготовка у них не хореографическая. Но для них балет — это только наметки.

Когда девушки «пошли», оказалось, что ничего прекраснее быть не может. Исчезли недотянутые подъемы, невыверенные руки — остались изящные женщины. Неудивительно, что его школу посещали банкирши, бизнес-леди и даже модельеры.

Эта часть урока так же зрелищна, как кулаковские шоу, только, может быть, более познавательна. Упражнение на постановку шага можно сравнить с просмотром кинолентки, пущенной то в замедленном, то в нормальном режиме. Раскладка шага по идеально выверенной траекто-

рии. «Сценичность и фотогеничность — разные вещи!» — не устает повторять Кулаков воспитанницам. На такое различие в процессе обучения в модельных агентствах редко обращают внимание.

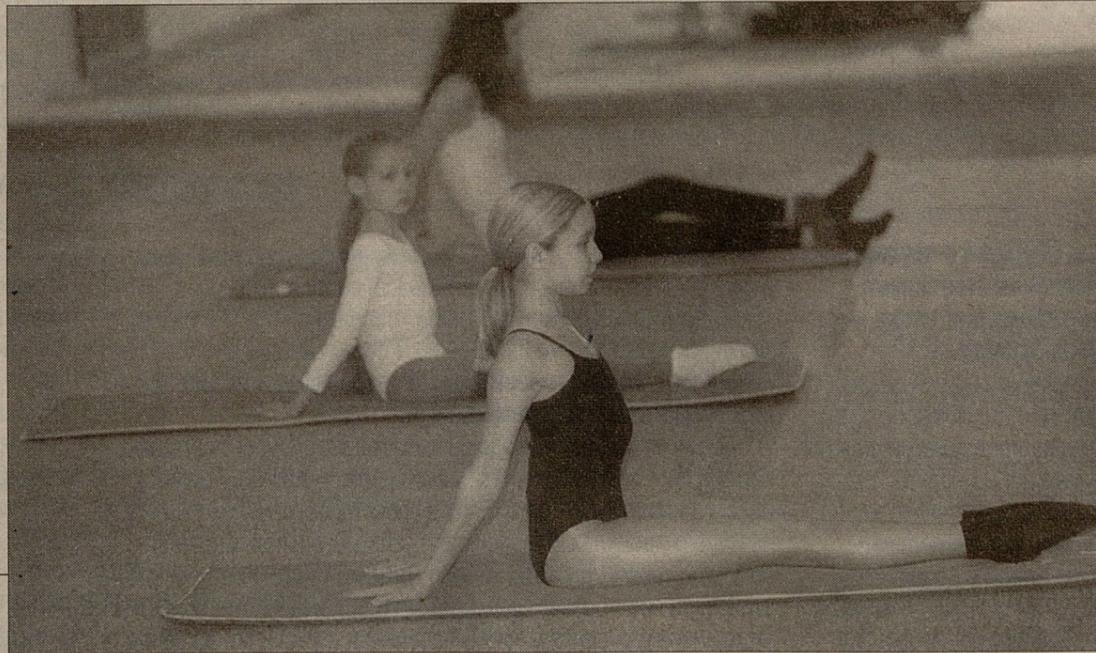
Хорошо пошла

То, в чем кулаковские ученицы бесспорно превосходят даже звезд мировых подиумов, — это привычка к импровизации сложнейших проходов-поворотов. В рабочем зале это выглядит так. Молча, по балетной привычке, вначале мастер как бы пробует сам, с какой ноги начать, какой поворот каким поворотом раскрыть, сколько сделать шагов затем, и так далее... Не спеша, если не получается, начинает с другой ноги, внезапно останавливается и спрашивает у девочек: все поняли? Начали с музыкой! И каким-то чудом у них синхронно получается невероятно красивый выход.

Кулаков комментирует: «Конечно, для подиума весь этот каскад неприемлем. Подобное мы демонстрировали всего один раз, на «Экспо-2002» в мастер-классе, а так — это абсолютно рабочий момент, и я даю эти элементы для тренировки комбинированного мышления».

Тренировка была бы неполной, если не вспомнить об актерском мастерстве. Главное — в самых сложных поворотах каждую секунду держать взгляд публики, глаза манекенщицы — в глазах зала.

Профессионализм в этом деле заключается во многих нюансах. «Хорошо прошла, — комментирует поначалу Анатолий Сергеевич, и тут же резкое: — Нет! Потому что работаешь. А надо, чтобы все казалось легко и несерьезно!»

«Точи ногу!»

ЗНАЧИТ ОБЫЧНЫЙ

отношения к профессии МОДЕЛЬ, или грамотно – ДЕМОНСТРАТОР МОДЕЛЕЙ ОДЕЖДЫ

– Надя, что такое неприличное поведение модели на подиуме?

– Если человек не владеет своим телом, он делает неприличные движения, выглядит вульгарно. Задумайтесь над словом «вульгарный», оно значит – обычный, обыкновенный. Обыкновенного на сцене, или на подиуме быть не должно. Подиум – для искусства.

Брюки еврейского учителя

Положение это не менялось с тех пор, как родовитые русские эмигрантки стали открывать ателье для состоятельных европейцев и американок. Их творения и теперь вдохновляют лучших модельеров.

– В 1984-м в передаче «До 16-ти и старше» я увидела Театр моды Рафа Сардарова, который демонстрировал его же костюмы. Это было не собственно дефиле, их показ включал и танцевальные моменты, что мне очень понравилось. И в 85-м году я уже занималась у Сардарова. К легу он устроил своему шоу тур Сочи – Батуми – Сухуми, и для того, чтобы участвовать в нем, я уволилась с работы.

Тут мы с Надей посмеялись, потому что ее первым местом работы была... милиция. Она отвечала на звонки о постановке квартиры на охрану. Таким образом, в модной индустрии вице-мисс Оксана Федорова оказалась не первой девушкой из милиции.

В советское время различные органы бдительно относились к творческой инициативе.

– Чтобы выйти в концерт или просто представить коллекцию, наша программа должна была пройти комиссию. А комиссия обязательно что-нибудь запрещала. Например, коллекцию «Латино» нельзя было представлять под иностранную музыку. Однажды «зарезали» мужской костюм из черного бархата, широкие брюки и радикально

Снижение манекенщиц

Художественный руководитель известного агентства модельер Надежда Петрунина пришла в этот бизнес, когда слова «бизнес» в советской действительности еще не существовало. Теперь и бизнес есть, и модели, они же – демонстраторы одежды.

длинный, до половины икры, пиджак. Сказали, что это костюм еврейского учителя, и его показывать нельзя. Не помню, чтобы Раф что-нибудь изменял в программе, каким-то образом мы всегда демонстрировали то, что репетировали.

Жаба на подиуме

Когда Сардаров уехал в Тольятти поступать в институт (в Москве поступить не давали), Петрунина решила попробовать у Вячеслава Зайцева. «Вы завтра работаете», – предупредил маэстро после просмотра.

– Дефиле у Зайцева тоже имеет характерные моменты. Он большое внимание уделяет драматургическому ходу показа. Кстати, тогда постановкой в Доме молодежной моды занимался Гедеминас Таранда.

В общей сложности Надя проработала у Зайцева 2 года.

– С какого-то момента мне снова стало казаться, что знаний и

Надежда Петрунина (в центре) и результаты ее работы

непоставленная, «индивидуальная походка»?

– Это просто два разных направления. В одном случае нужно продать одежду, и на гармоничность образа внимание особенно не обращается. В высоких показах, с известными именами, девушки работают по-другому. Тут продается, так сказать, искусство подиума. Учитываются и свет, и оригинальность места показа, и, конечно, модель должна уметь держаться. В моей трудовой книжке одна из записей так и гласит – манекенщица-актриса.

– Основное качество девушки, решившей попробовать себя на этом поприще?

– В основном обращается внимание на рост. Практически он снизился до 170 см. Дело в том, что сейчас демонстрируется много предпродажных коллекций, они должны быть носимы, следовательно, их должны демонстрировать модели с обычным ростом.

– Как вы считаете, может ли, например, атипичная пневмония влиять на модный бизнес? Я имею в виду коллекцию с масками.

– Это был не единственный прецедент, появилось несколько коллекций с масками-намордниками. Я не знаю, вероятно, с художественной точки зрения можно оценить и это.

– Надя, вы создали около шести коллекций. Какой аксессуар из них вы бы посчитали самым экстравагантным?

– В коллекции «Невеста Дракулы» все платья вполне носимые, некоторые дополнялись мышеловками, некоторые – сумочками-аквариумами. На одном показе я поместила в сумочки и рыбок, и даже одну игуану – она жила в нашем офисе. Мечтала об огромной желто-коричневой лягушке. Но животных жалко, ведь при переездах они должны тоже путешествовать. И я заменила живых рыбок на пластиковые.

умений у меня недостаточно. Я много слышала о школе Кулакова, и в 1990-м, когда пришла посмотреть, впервые поняла, что такое школа в нашем деле.

– Каждое модельное агентство заявляет, что предоставляет девушкам подготовку, необходимую для работы. Так ли это?

– По-разному. Те, что дают телерекламу, как правило, несерьезны. Слишком большие средства должны уходить на раскрутку. Нормальные же агентства просто занимаются своим делом, работы хватает. Но положение сейчас таково, что даже если ты ходишь кое-как, это приемлемо и называется просто – индивидуальная походка. За границей серьезно работают, как правило, те, кто занимался танцами или чем-то в этом роде. Фактически определенный набор движений дает возможность сразу ориентироваться в любом показе.

– В каком случае девушка не повредит ее